

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СБОРНИКА «ПЯТИРЕЧЬЕ»

(МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ)

I

МАТЕРИАЛЫ О. Э. ОЗАРОВСКОЙ В АРХИВЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

Публикация В. П. Ивановой

В архиве Государственного музея этнографии народов СССР хранится фрагмент рукописи Ольги Эрастовны Озаровской о пинежской сказительнице Татьяне Кобелевой.¹ Судя по форме изложения, упомянутым в повествовании именам, а также времени, которым датирован текст (август 1929 года), можно со значительной степенью вероятности предположить, что записи эти являются частью подготовительных материалов к сборнику «Пятиречье».² Литературный характер сборника, собирательность и обобщенность образов сказочников «Пятиречья», видимо, не позволили автору в рамках избранного жанра дать достаточные сведения о конкретных рассказчиках. Пробел этот предполагает частично заполнить данная публикация. Однако при обращении к публикуемому материалу как к источнику следует помнить то обстоятельство, что автор не придерживался стиля строго научного исследования, иногда принося в жертву требованиям литературного жанра скрупулезную точность ученого. Тем не менее очерк о Татьяне Осиповне Кобелевой создает образ яркий, незабываемый и одновременно типический, дающий возможность проследить психологические основы сложения репертуара, лексического набора, последовательности выбора сюжетов для рассказа, увидеть уважительно-ревнивое отношение сказочниц друг к другу: «Хотела она у меня Кастрюка понеть. . . Нет, уж не смогла понеть. А хорошо сказки сказыват. Много знат».³

Очерк о Т. О. Кобелевой составляет девять листов машинописного текста с концовкой и сносками, написанными от руки. Текст

подвержен значительной редакторской правке, которая при подготовке текста не учитывалась, авторское написание сохраняется полностью.

1

Сказочница Татьяна Кобелева

Когда я думаю о народных сказочниках, передо мною встают образы встреченных настоящих художников, пленявших не только мастерством создания текста, но и самым исполнением. Но я останавливаюсь не на самой выдающейся пинежской сказочнице, а на той, которая поразила меня не искусством исполнения, а разнообразием своего репертуара, какой-то душевной емкостью.

Попытка исследовать его, может быть, присоединится к более мощному материалу для исследования вкуса⁴ народного нашей эпохи на «стыке веков».

Из пинежских же сказочниц по артистическому исполнению, по исключительному темпераменту, выразившемуся в неумном горении и буквально опьянении сказом, конечно, первое место занимает М. Д. Кривополенова с ее сказками «Верная жена» (Красная Нива, № 29, 1926), «Горшочек лихого мыть», «Череп-Терем», сказками о попе, о дурне (Бабушкины старины. 1922, Госиздат) и ненапечатанной, но записанной на фонографе сказки «Как я заворовалась», затем Над. Олькина, сказки которой еще не напечатаны, и по юмору конопатчик Муха (Прожектор, № 2, 1928).

О Татьяне Кобелевой я слыхала еще от М. Д. Кривополеновой, которая говорила: «Хотела она у меня Кастрюка понеть. . . Нет уж не смогла понеть. А хорошо сказки сказывают. Много знат».

В 1925 г., командированная Академией Художественных Наук и Архангельским Обществом Краеведения в верховье р. Пинеги, я заехала в д. Чаколу на высоком живописном берегу Пинеги, для устройства могилы М. Д. Кривополеновой.

Могила находится в сосновом бору и с дороги виден ее высокий крест. Сделана хорошая ограда (покрашена в 1927 г.) и мною возложена пальмовая доска с надписью: «Здесь покоится тело славной сказительницы древних былин Марии Дмитриевны Кривополеновой. Род. 1-го апреля 1844 г. Ум. 8 марта 1924 г.»

В Чаколе, или, вернее, в прилегающей к ней деревне Городец, мне хотелось разыскать ее подругу Варвару Чащину (Григорьев А. Д. Архангельские былины. Т. 1, ч. 2, с. 308), которая в 1916 г. во время краткой моей остановки у нее с Кривополеновой (я ехала к ней в гости в дер. Веегоры на противоположном берегу) чудесно мне рассказала ритмованную сказку о Финисте Ясне Соколе, а я не успела ее записать. Разыскивая дом Варвары Чащиной, я поступала в другой, где происходило веселое собрание по поводу скотного праздника и распивали «слитки» артельного пива (выпив бочку пива, на старые дрожжи наливают вторую воду; когда выходит это пиво, оно называется «друган», а третье называется «слитки»). На мой стук вышел Николай Чащин, заявил, что его мать давно умерла и пригласил зайти. Как всегда при появлении нового чело-

века возникла некоторая натянутость; но некоторые узнали во мне верного друга Махоньки, а на мое замечание «какой же праздник без песен» в ответ затынула высоким чистым голосом красавица Ульянушка Третьякова, ее поддержала степенная и приятная Настасья Кобелева. Она-то и пригласила меня назавтра ехать к ней лодкою за десять верст в дер. Юбру, где обещала позвать к себе хорошую сказочницу Татьяну Кобелеву. Мое знакомство с нею началось, примерно, с таких же слов, какие Кривополенова говорила о ней: «Уж как „Махонька“ хотела у меня Ерша понеть, уж сколько просила насказать ей. . . Нет, не могла понеть». Этой классической сказкой о ерше, завладевшем озером Ростовским, и суде над ним она возглавила свой репертуар. Дело в том, что я никогда не прошу определенной сказки, а жду, с какой начнет сам сказочник, придавая большое значение выбору самого сказочника. И в данном случае выбор «Ерша», который у нее, видимо, всегда идет блестяще, указывал, что я имею дело с артистом. Он всегда начинает с вещи, в исполнении которой уверен. Позднее он скажет сказку, к которой льнет его собственная душа, и узнается это по особенному взволнованному тону. Но в данном случае сказочница была слишком напугана неожиданным посещением, она исполнила не так блестяще, как обычно, и сама горько на это жаловалась. Оно и неудивительно: Татьянушка совершенно слепа; один глаз у нее уже вытек, другой вытекает, но она об этом не знает и лелеет надежды на излечение в Архангельске. В этом смысле она дала мне соответствующее поручение в Архангельск, но окулист видел ее и помнит. От него-то я и узнала о полной безнадежности дела. Ей 70 лет, но в своем доме она ведет себя как зрячая. Если уж необходимо ей выйти из дому, то ее провожают; ее многочисленные дети, из которых один — кондуктор по лесной части, по-видимому, заботятся о ней. Поразила она меня своей удивительной жизнерадостностью, какая истекала из всех ее слов, и явилась она мне поучительнейшим примером жизни, так как мне лично суждена такая же старость. На расспросы, где она слышала данную сказку, от кого «понела», она всегда отвечала с удивленным недоумением: «Люди сказывали, разве упомнишь? Сказывали. . . Всегда сказывают. . .»

Но к разбору ее индивидуальных вкуса и манеры мы еще вернемся, а пока мне необходимо сделать перечень всех произведений, записанных от нее в течение трех дней, с изложением сюжетов или отнесением их к номерам по каталогу Аарне-Андреева. Кроме сказок, она же — превосходная песенница — сообщила мне тексты следующих старинных песен:

- 1) Про Кутузова.
- 2) Пожар Еруслава-города.
- 3) Казань-город (Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете). Т. 1, вып. 4. Озаровская).
- 4) «Из-за лесу, лесу темного. . .» (разбойничья из цикла разинских).
- 5) Сама хрестьянка (любовная с припевом «тига-гуси, тига-серые, домой»).

- 6) «Черный ворон, что ж ты вьесся надо мной» (воинская о смерти).
 7) «Песня хвацка про житье наше бурлацко» и шесть местных свадебных (Северная свадьба — Художественный фольклор, 1926).

2

Сказки Татьяны Осиповны Кобелевой, 70 лет, из дер. Юбра Труфаногорской (бывшей Михайловской) волости Архангельской губернии

№ 1. Сказка про Ерша	По кат<алогу> Аарне-Андреева № 254
№ 2. Про продобрую львицу	931 11 (938)
№ 3. Святый скоморох	845
№ 4. Предея	1370 1+1405
№ 5. Жонкина верность	1350 и 1352*
№ 6. Никола Дупленьский с таким концом: мертвое тело соперника муж са- жает в лодку и сваливает вину на случайных рыбо- ловов	1380
№ 7. Невесткины увертки	1406*В
№ 8. Побывальщина	отчасти 932

3

Сказки, не вошедшие в каталог Аарне-Андреева

- № 9. «Царевнина талань» 11-я таблица А. И. Никифорова, № 71 его «Сказочных материалов Пинежья» (Сказочн<ая> Ком<ис-сия> 1927 г.)
- № 10. «Младший конюх и Ай-брат» (Новобранцу, похваставшему силой, является некто и просит помощи в борьбе с поляни-цей, предсказывает судьбу младшего конюха у царя и в бла-годарность при клике Ай-брат разрешает с героем ряд цар-ских задач: што за морем сосветило, добычу царь девицы, ее венчального платья и пары вороных коней — золоты узды. Герой ездит на шее Ай-брата, превращается в комара, кольцо, лань-золотые рога, вороные кони морские. Царь-девица, по-видимому, достается не царю, а герою (неясно)).
- № 11. «Принетой» (Герой выбирает из трех «матери мужа, а себе отца», давая разделить яйцо. «Принетой» обучает героя овла-деть царской дочерью, которая «отравлена» в гробу, в церкви каждую ночь ест по человеку, и, предлагая дележ, разру-бает ее пополам и тем исцеляет ее. Уходя называет себя Николаем, божьим угодником. Отчасти напоминает Вия).
- № 12. «Киевская быль» (Две женщины, летавшие сороками, ели зажаренного ребенка одной. Поп каял умирающую мать, читал над ней псалтырь в церкви. Она встала из гроба, из-

грызла ему лицо. *Попа видели в Архангельске*: запутан шелковым гатином, все лицо разъедено).

№ 13. «Моряжка» (текст приводится целиком).

Все сказки можно разбить на две группы. К первой относятся: № 1 — усмешка над человеческим установлением и № 4, 5, 6 и 7 — над женским правом, то есть — сказки-анекдоты, сказки-сатиры.

Ко второй относятся собственно сказки № 9, 10 и 11, а также легенды № 3, 8 и 13.

№ 9, 11 и № 8 связаны идеей рока, и примитивное его чувствование особенно сказалось в № 8. Старуха с таким волнением рассказывала о муках матери, которая берегла и растила единственного сына, зная, что он умрет в 22 года на 2-й день пасхи, что я долго ходила под сильнейшим впечатлением от этой легенды, которую она сама назвала «старинна побывальщина».

Во всех этих трех сказках судьба героев предсказана.

Некоторые из своих сказок Татьяна Осиповна украшает словесными заставками и концовками. Концовка «Ерша» совпадает с сюжетной развязкой сказки про хитрого непобедимого «ерша».

Иногда среди сказки действующее лицо начинает говорить «в склад и в лад». В «Принетом» (№ 11), одной своей частью так напоминающей Вия, мертвая ведьма, царская дочь, услышав в церкви скрипку и чтение псалтыря, встает из гроба и начинает искать свою жертву:

Спасибо, батюшко,
Спасибо, матушка,
То-то послали молодого,
То-то веселого,
Двое суточки не едала,
Все бы косточки оглодала.

Царевна в № 9 кличет Талань названных батюшка и матушки свою припевом:

Талань моя, учась горькая!
Поди ко мне на обед,
Хлеба-соли кушать,
Всекого питинья-кушанья.

Все это указывает на любовную, чеканную отделку формы. Вы угадываете, что Кобелева относится к «истовым сказочницам». Никакого эпизода она не скомкает, не выпустит.

Легенда № 3 «Святой Скоморох» поясняет поговорку, употребительную на севере: «пляшет, да не так, как скоморох». Что же касается № 13 «Моряжка», то она является своего рода уникай, а потому текст ее я привожу полностью. От лапидарности языка легенды веет античностью. Когда я рассказала ее в фольклорной подсекции Академии Художественных Наук и возник вопрос об источнике легенды, то через две недели появились два доклада: 1) О песне «Василий и Снафида» на тему, ей близкую — разлученные любовники после смерти соединяются в образе дерева, а второй

доклад по поводу самой Моряжки. Он сводился в сущности к ознакомлению с образцами английской романтической поэзии. Но если видеть в Моряжке влияние книжности, то, мне думается, русской и более древней. Мое мнение совпадает с мнением Смирнова.⁵

Как исполнительница Татьяна Кобелева не выдающаяся, а рядовая. Выдающаяся она, пожалуй, в одном отношении: в ее явной и сознательной любви к сказыванию. Я, может быть, и недоценила ее, так как, разумеется, не исчерпала всего запаса. Я работала всего три дня с нею, а собиратели знают, сколько вопросов скапливается, когда начинаешь щупать. По моей манере я не ставлю вопросов так, чтобы можно было прямо записывать ответы, а именно исподволь ощущивая знания и интересы сказочника, и, судя именно по ее репертуару, мне ее ум кажется усмешливым, она рада случаю посмеяться, и наряду с этим она несомненно склонна к мистике. Без всякого повода с моей стороны и без всякой ассоциации она вдруг произнесла: «На старых книгах читали: последнее время пойдет: сын на отца, отец на сына от страха бежаха и пойдет богатый в темную могилу. И отнето Христово слово и будет у нас всемирная война; все это право будет не то што говоря через три года, а может быть через 12 или 20 лет, Китай завоюет и все забунтует».

Вместе с тем язык ее так богат, что походя я записала просто отрывки из ее рассказа о праздничной драке и похождениях парня Оли-Александра: «Прибежал да и лёкнул, да и лёч! (то есть ударил). Какого захватит, такого и сшибет. Руки захватит, дернет, а те его колотят! Не захватывай, дак не убьют! Наш уж так, а Лука-то родом так. На разговоры никому не здаваеця. Принесли: синовилы у персей остались. . .»

Поймала я и крылатое слово о старых девах: «Я давно эту девку знаю: наверно от царя Миколки осталась».

Татьяна слышала о новых течениях жизни и на ее речи это отразилось в форме страха перед некоторыми словами, которые вдруг стали неприличными для новой жизни.

Скажет «баба-яга» и спохватится, извиняется: «Может, нельзя? Черно слово?» Опасается произнести слова «икона», «божья мать», опасливо спрашивает «ничего, можно?» Говорила о новых заменах в песне.

«Раньше пели:

Во городе царевна,
По за городом паревич. . .

Теперь поют:

Во городе гражданка,
По за городом гражданин.

И правда, што видят, то и поют».

Так встают образы и захватывают своим дыханием и, кажется, здесь звучат их голоса. . . Спасибо, далекие и верные держатели красоты!

Ольга Озаровская

Август 1929 года.
Ленинград.